

Бывшие белогвардейцы в советской элите

БОРИС
СОКОЛОВ

Кто служил у БЕЛЫХ

Э то может показаться удивительным, но в советской элите были довольно широко представлены бывшие белогвардейцы и военнослужащие национальных армий, сражавшихся в годы гражданской войны против большевиков. Под элитой мы понимаем членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, министров и заместителей министров, руководителей учреждений министерского уровня, руководителей общественных организаций, лауреатов Сталинской и Ленинской премий, обладателей почетных званий. Занявшись изучением прошлого некоторых представителей этой социальной группы, нам удалось установить следующих бывших белогвардейцев и военнослужащих национальных армий.

1. Родион Яковлевич Малиновский (1898–1967) – маршал Советского Союза (1944), министр обороны (1957–1967), член ЦК КПСС (1956–1967), дважды Герой Советского Союза (1945, 1958), кавалер ордена «Победа» (1945). Прапорщик в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Александра Колчака (август–ноябрь 1919 года).

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

CASE STUDY 1

2. Леонид Александрович Говоров (1897–1955) – маршал Советского Союза (1944), заместитель министра обороны (1950–1955), кандидат в члены ЦК КПСС (1952–1955), Герой Советского Союза (1945), кавалер ордена «Победа» (1945). Прапорщик Народной армии Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) (1918), подпоручик в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Александра Колчака (1919).

3. Иван Христофорович (Ованес Хачатурович) Баграмян (1897–1982) – маршал Советского Союза (1955), заместитель министра обороны (1955–1956, 1958–1968), член ЦК КПСС (1961–1982), дважды Герой Советского Союза (1944, 1977). Поручик армии Армении (1918–1920).

4. Николай Семенович Тихонов (1896–1979) – поэт, председатель Советского Комитета защиты мира (1949–1979), председатель правления Союза писателей СССР (1944–1946), председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР (1956–1979), Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957), Ленинской премии (1970), трех Сталинских премий 1-й степени (1942, 1949, 1952), народный поэт Азербайджанской (1974) и Узбекской ССР (1974). Подпоручик или поручик Северо-Западной белой армии (армии Юденича) (1918–1920) и Русской армии (армии Врангеля) (1920). Следует отметить, что Советский Комитет защиты мира был единственным учреждением СССР министерского уровня, который не только мог, но и должен был возглавлять беспартийный человек¹.

5. Анатолий Петрович Александров (1903–1994) – физик, президент Академии наук СССР (1975–1986), директор Института атомной энергии (1960–1989), член ЦК КПСС (1966–1989), трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1960, 1973), лауреат Ленинской премии (1959), трех Сталинских премий 1-й степени (1942, 1951, 1953), Сталинской премии 2-й степени (1949), Государственной премии СССР (1984). Служил юнкером в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армии Деникина) и в Русской армии (1920) (армия Врангеля).

1 «Белому» периоду биографии Николая Тихонова мы посвятили уже две статьи, вышедшие в «НЗ»: Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(145). С. 30–66; Он же. *Николай Тихонов: военная биография, превращенная в фаустову* // Неприкосновенный запас. 2023. № 3(149). С. 208–228. В данной статье мы знакомим читателя лишь с некоторыми новыми обстоятельствами жизни поэта, которые нам удалось выяснить совсем недавно. Во избежание повторений к основной части реконструкции «белой биографии» Тихонова, изложенной в указанных статьях о нем, здесь мы обращаться не будем.

6. Борис Владимирович Иогансон (1893–1973) – художник, президент Академии художеств СССР (1958–1962), директор Государственной Третьяковской галереи (1951–1954), Герой Социалистического Труда (1968), народный художник СССР (1943), лауреат двух Сталинских премий 1-й степени (1941, 1951). Служил в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1918–1919) офицером или военным чиновником.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

7. Николай Николаевич Зубов (1885–1960) – инженер-контр-адмирал, океанолог, начальник Государственного океанографического института (1944–1948), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1960). Подполковником (капитаном 2-го ранга) служил в Народной армии Комуча (1918) и в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1918–1919).

8. Леонид Максимович Леонов (1899–1994) – писатель, председатель Всероссийского союза писателей (1929–1932), председатель Литературного фонда (1946), Герой Социалистического Труда (1967), лауреат Сталинской премии 1-й степени (1943), Ленинской премии (1957) и Государственной премии СССР (1977), заслуженный деятель искусств РСФСР (1949). Служил прапорщиком в белой Северной армии (1919–1920) (армия Миллера).

9. Валентин Петрович Катаев (1897–1986) – писатель, основатель и главный редактор журнала «Юность» (1955–1961), один из шести руководителей Союза писателей СССР (1938), Герой Социалистического Труда (1974), лауреат Сталинской премии 2-й степени (1946). Служил подпоручиком в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армия Деникина).

10. Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) – писатель, секретарь правления Союза писателей СССР (1934), председатель правления Литературного фонда (1934), председатель приемной комиссии Союза писателей СССР (1955–1963). Служил рядовым в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1919).

11. Николай Федорович Погодин (Стукалов) (1900–1962) – драматург, главный редактор журнала «Театр» (1951–1960), лауреат Сталинской премии 1-й (1941) и 2-й степени (1951), Ленинской премии (1959), заслуженный деятель искусств РСФСР (1949), член правления Союза писателей СССР (1934). Служил юнкером в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армия Деникина).

12. Борис Андреевич Лавренев (Сергеев) (1891–1959) – писатель, член правления Союза писателей СССР (1945), лауреат Сталинской премии 1-й (1946) и 2-й степени (1950). Воевал офицером в Вооруженных силах Юга России (1918–1919) (армия Деникина).

13. Василий Григорьевич Ян (Янчевецкий) (1874/75–1954) – писатель, лауреат Сталинской премии 1-й степени (1941). Был военным чиновником (коллежским советником) и редактором армейской газеты в Народной армии Комуча (1918) и в войсках Восточного фронта Верховного правителя России адмирала Колчака (1918–1919).

14. Лев Константинович Книппер (1898–1974) – композитор, агент ОГПУ-НКВД-КГБ с 1922 года, лауреат двух Сталинских премий 2-й степени (1946, 1949), заслуженный деятель искусств РСФСР (1968), народный артист РСФСР (1974). Служил корнетом в Вооруженных силах Юга России (1919–1920) (армия Деникина) и Русской армии (1920) (армия Врангеля).

15. Александр Петрович Довженко (1894–1956) – кинорежиссер, лауреат Сталинской премии 1-й (1941) и 2-й степени (1949), Ленинской премии (1959, посмертно), заслуженный деятель искусств Украинской ССР (1940), народный артист РСФСР (1950). Служил офицером, возможно, сотником (капитаном), в армии Украинской народной республики (УНР) (1917–1919).

16. Игнатий Игнатьевич Сосновский (Добржиньский) (1897–1937) – комиссар госбезопасности 3-го ранга, заместитель начальника управления НКВД Саратовского края (1935–1936). Служил подпоручиком в Польской армии (1918–1920).

17. Вадим Васильевич Шверубович (1901–1981) – театральный деятель, заведующий постановочной частью МХАТа (1932–1941), один из основателей театра «Современник» (1956), заслуженный деятель искусств РСФСР (1948). Служил рядовым в Вооруженных силах Юга России (армия Деникина) (1919–1920).

Из этих семнадцати человек криптобелогвардейцами, то есть теми, кому удалось утаить свою службу в белых или национальных армиях, были семеро: Малиновский, Тихонов, Александров, Катаев, Иванов, Шверубович, Ян. Катаев более чем через 20 лет после окончания гражданской войны признал свою службу у белых, но сильно исказил ее обстоятельства. Остальные десять человек не имели возможности скрыть свою службу у белых, так как были взяты в плен красными, верну-

лись из эмиграции с ведома советских органов безопасности (Книппер) или были арестованы ВЧК (Сосновский).

В десяти случаях из десяти это не воспрепятствовало от-носительно успешной карьере в СССР. Только Сосновский был арестован и расстрелян в 1937 году, в период Большого террора, но и здесь причиной гибели послужила не служба в польской армии и разведывательная деятельность против Советской России, а сочетание службы в НКВД на высокой должности и польской национальности, что в то время практически неизбежно означало смертный приговор. Сосновский стал одной из первых жертв так называемой «польской операции» НКВД, в ходе которой во внесудебном порядке были репрессированы проживавшие в СССР поляки, занимавшие более или менее значительные должности или просто казавшиеся подозрительными.

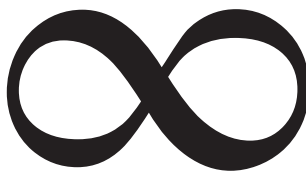
Почти столь же опасное сочетание было у Книппера – этнического немца, тесно связанного с НКВД (хотя мы до сих пор не знаем, имел ли он звание офицера госбезопасности), и потому явного кандидата на то, чтобы стать фигурантом «немецкой операции» НКВД, аналогичной польской. Его спасло то, что он приходился племянником знаменитой актрисы – вдовы Чехова Ольги Книппер-Чеховой, – вокруг которой при Сталине сложился своего рода культ, поощряемый властью, что более или менее надежно защищало ее родственников от террора.

Может показаться, что шансы на дальнейшую карьеру в СССР были практически одинаковы как у криптобелогвардейцев, так и у тех, о чьем белогвардейском прошлом было известно властям. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Вряд ли Малиновский, если о его белогвардейском прошлом стало известно еще в конце гражданской войны, был бы направлен в Испанию (1937–1938) и стал бы генералом еще до начала Великой Отечественной войны. Кроме того, для него была бы выше вероятность быть репрессированным в рамках операции «Весна» (1930–1931), когда расстреливались, отправлялись в лагеря или увольнялись из Красной армии бывшие офицеры царской и белых армий. Но, если Малиновский, подобно Говорову и Баграмяну, счастливо избежал бы этих неприятностей и сделал успешную карьеру еще до Великой Отечественной войны, у него было бы гораздо меньше шансов занять пост министра обороны. Да и Хрущеву стало бы труднее назначить на этот пост маршала, о котором было широко известно, что ранее он служил у белых, – ведь это могло вызвать недовольство других маршалов, которые у белых не служили.

Тихонов, стань о его белогвардейском прошлом известно еще в начале 1920-х, вряд ли смог бы издать, а частично и написать стихотворения своих лучших сборников «Орда» и

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

«Брага», обрести огромную популярность в СССР в 1920–1930-е; а без всего этого сложно себе представить его номенклатурную карьеру – ведь поэт позиционировал себя как бывший красноармеец, сражавшийся с белыми.

Точно так же у Александрова было бы гораздо меньше шансов стать президентом Академии наук, стать известно о его службе у белых. В этом случае его могли не допустить к оборонной тематике, на которой и строилась его карьера. Впрочем, в сфере науки, особенно использовавшейся в военных целях, требования к анкете были не такими строгими – здесь в первую очередь требовались талантливые ученые. Тем не менее шансы на то, чтобы стать президентом Академии наук, у Александрова с белогвардейским прошлым в анкете были бы ниже – уже хотя бы потому, что с таким пунктом в биографии было сложнее вступить в партию, членство в которой для этой должности было необходимым. Весьма показательно, что трое бывших белогвардейцев, достигших наиболее значительных номенклатурных должностей (Малиновский, Тихонов, Александров), были криптобелогвардейцами.

СЛУЖБА В БЕЛЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЯХ

Источников о службе названных представителей советской элиты в белых или национальных армиях, особенно документальных, сохранилось очень мало. Документы по личному составу белых армий почти не сохранились. Поэтому зачастую удастся установить лишь факт службы в белой или национальной армии без особых подробностей.

Родион Малиновский служил прапорщиком в армии Колчака. В августе 1919 года он прибыл во Владивосток из Франции, где служил в русском Экспедиционном корпусе, а после его расформирования – в русском «Легионе чести» французского Иностранного легиона. В автобиографиях Малиновский проводил версию, согласно которой он нелегально добрался на поездах от Владивостока до Омска, чтобы вступить в Красную армию. Реальность, как мы постарались доказать в предыдущих исследованиях, была иной: он служил в армии Колчака².

Леонид Говоров получил чин прапорщика еще при Временном правительстве 1 июля 1917 года, после окончания Константиновского артиллерийского училища, и служил младшим офицером отдельной Сибирской запасной мортирной батареи в Томске. В марте 1918 года он был демобилизован и вернулся

2 Подробнее о Малиновском, а также о «белых биографиях» Валентина Катаева и Всеволода Иванова, см.: Он же. *«Белым был – красным стал»: Валентин Катаев и Всеволод Иванов* // Неприкосновенный запас. 2022. № 6(146). С. 129–148.

в родную Елабугу, где работал в кооперации, а в сентябре добровольно вступил в занявшую город Народную армию Кому-ча. В советских анкетах он писал, что был мобилизован, однако в сохранившемся представлении Говорова к чину подпоручика колчаковской армии за боевое отличие было отмечено, что 8 сентября 1918 года он «поступил добровольцем в 5-ю Прикамскую батарею, переименованную в 3-ю батарею 8-й Камской стр[елковой] арт[иллерийской] бригады и с этого дня участвовал в кампании против большевиков». 13 июля 1919 года приказом адмирала Колчака Говоров был произведен в подпоручики. Он участвовал в весеннем наступлении к Волге и в последующем отступлении в Сибирь. 16 декабря 1919 года Говоров присоединился к восстанию гарнизона Томска против власти Колчака, 18 декабря был назначен помощником начальника боевой рабочей дружины Томска, а 21 января 1920 года был направлен в распоряжение инспектора артиллерии советской 5-й армии. При поступлении в Красную армию Говоров скрыл, как то, что служил у белых добровольно, так и то, что чин подпоручика получил от Колчака, а не при Временном правительстве³.

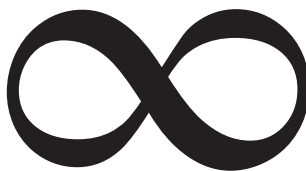
Иван Баграмян в официальных документах писал, что «происходил из бедной крестьянской семьи», которой сопутствовала «беспросветная нужда», однако не помешавшая ей отправить сына в техническое училище, да еще нанять ему репетитора по французскому языку. И это при том, что в семье было семеро детей. В 1915 году Баграмян добровольцем пошел в царскую армию в качестве вольноопределяющегося, служил в запасных пехотных и кавалерийских частях, в январе 1917-го был направлен в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков, которую окончил в июле того же года, и был назначен командиром пехотной роты на Кавказском фронте. В декабре 1917-го он демобилизовался, вернулся в Армению, вступил в армянскую армию и стал членом правящей партии «Дашнакцутюн». В армии Баграмян дослужился до поручика, командовал ротой, сабельным эскадронном, полком; участвовал в армяно-турецкой войне 1920 года в составе 3-го стрелкового и 1-го кавалерийского полков дивизии под командованием генерал-майора Мовсеса Силикяна. В этой войне армяне потерпели тяжелое поражение. В декабре 1920-го дашнаки вынуждены были отказаться от власти и передать ее большевикам. Та часть армянской армии, которая сражалась на турецком фронте, присоединилась к Красной армии, где Баграмян стал командиром эскадрона 1-го Армянского полка⁴. Сопротивление большевикам оказывала только дивизия Га-

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

3 Ганин А.В. *Белые страницы биографии Маршала Советского Союза Л.А. Говорова* // Омский научный вестник. Общество, история, современность. 2018. № 4. С. 10–14.

4 ЛАЗАРЕВ С.Е. *Превратности карьеры маршала И.Х. Баграмяна* // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1(39). С. 37–39.

региона Нжде в Сюнике. Баграмян не участвовал в дашнакском восстании в феврале 1921 года, когда основная часть Армении, включая Ереван, перешла под контроль восставших.

Николай Тихонов Первую мировую войну окончил прапорщиком и выборным командиром эскадрона 20-го драгунского Финляндского полка. Он имел достаточно приличное образование: кончил кадетский корпус (но без морской практики и сдачи выпускных экзаменов, так как ушел на войну), и был произведен в прапорщики скорее всего 7 октября 1917 года или ранее. То, что до октябрьской революции он был офицером, Тихонов успешно скрывал до конца своих дней. В 1918 году он служил в Лужском партизанском (1-м конном) полку Красной армии Станислава Булак-Балаховича, вместе с которым перешел в ноябре в белогвардейский Северный корпус под Псковом. Далее Тихонов служил в отряде Анатолия Ливена при Балтийском ландесвере, куда перешла часть людей Булак-Балаховича, и вместе с другими ливенцами участвовал весной 1919 года в боях за освобождение Риги и всей территории Латвии от красных. Летом–осенью 1919-го вместе с частью ливенского отряда Тихонов перешел в армию Юденича, вместе с которой в составе 5-й Ливенской дивизии участвовал во втором походе на Петроград. В архиве Дома русского зарубежья я нашел документ, безусловно доказывающий службу Тихонова в Северо-Западной армии. В документах различных частей 5-й Ливенской дивизии сохранилось написанное карандашом донесение без даты с резолюцией другим почерком на обороте:

«К-ру 2 полка Передовые части противника подошли к Перегребу [деревня Гдовского уезда Петербургской губернии. – Б.С.], оттеснив наш конный разъезд. Численность противника пока не выяснена.

Тихонов [расшифровка и автограф. – Б.С.].

Прошу передать телефонограмму в штаб полка.
Е.Р.»⁵.

Резолюция наложена подполковником Евгением Решетниковым, исполнявшим должность начальника штаба 5-й дивизии в ноябре 1919 года, а в декабре ставшим начальником штаба дивизии. Как можно понять, автор донесения командовал разъездом конной разведки либо 5-й Ливенской дивизии, либо 18-го Рижского (он же 2-й Ливенский) полка. Текстолог и архивист Давид Фельдман, сравнив по моей просьбе сканы донесения и многочисленных автографов поэта⁶ – за что я

⁵ Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19 и об.

⁶ Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. Л.: Советский писатель, 1981. С. 97; Хренков Д.Т. *Николай Тихонов в Ленинграде*. Л.: Лениздат, 1984 (фото на вкладке в конце книги); Свиченская М.К. *Автографы*

приношу ему свою искреннюю благодарность, – однозначно заключил, что донесение в штаб Ливенской дивизии написано Николаем Тихоновым.

После отступления армии Юденича в январе 1920 года в Эстонию Тихонов, предположительно вместе с несколькими другими офицерами-ливенцами, отправился в Крым в армию Врангеля через Польшу, Германию и Францию, а оттуда – пароходом до Константинополя⁷. Можно предположить, что он остался в Крыму в ноябре 1920-го, возможно, будучи больным тифом, и так или иначе оказался у красных, счастливо утаив при этом свое офицерство и службу у белых. Помимо этого, ему пришлось скрывать социальное происхождение, так как он был сыном владельца магазина париков в центре Петрограда.

Анатолий Александров о службе у белых рассказывал своим родным. Его биограф, Фагам Кесаманлы, пишет:

«В 1919–1920 годах [Александров] участвовал в гражданской войне на стороне белой армии, где очень преуспел и прославился до такой степени, что был удостоен трех Георгиевских крестов. На руке у него сохранились шрамы – следы сабельных ударов. В ноябре 1920 года попал в плен к красным, был приговорен к расстрелу, но ему удалось бежать (эти факты биографии он всю жизнь скрывал)»⁸.

А вот что пишет сын Александрова – Петр:

«Только в конце 1980-х Анатолий Петрович очень скупно рассказал историю о своем участии в гражданской войне. 1919 год. Анатолий с приятелем (фамилия его неизвестна) были в Млынке, на обратном пути в Киев на железнодорожной станции Фастов. Толя встретил знакомого офицера, соседа по киевской квартире. Офицер сказал молодым людям, что в город ехать нельзя, там война и погромы и что если они истинные патриоты, то должны защитить родину и встать в ряды Белой гвардии. Мальчики ушли с ним на фронт. Уже в шестнадцать лет они узнали цену жизни и смерти. Рядовыми солдатами они дошли до Крыма. Перед ними на пирсе стоял корабль, уходящий в Турцию, но они остались. Потом попали в плен и были приговорены к расстрелу, спасла их женщина-комиссар. Она дала мальчикам какие-то поддельные документы и отпустила (по-видимому, это было в ноябре 1920 года)».

Также академик признался другому своему сыну, Александру, что шрамы на его руке – это следы от сабельных ударов⁹. Скорее всего описанные события в Фастове происходили в ок-

БОРИС СОКОЛОВ

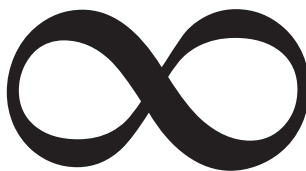
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

Серapiонов в фонде И.А. Груздева: к 100-летию литературной группы «Серapiоновы братья». Николай Семенович Тихонов (1896–1979). Российская национальная библиотека. Виртуальные выставки (<https://expositions.nlr.ru/ve/RA5136/avtografy-serapionov-tikhonov>).

7 Соколов Б.В. *Соцреалист во стане белых воинов?* С. 55–57.

8 Кесаманлы Ф.П. *Академик Анатолий Петрович Александров* // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Наука и образование. 2011. № 4. С. 278.

9 Александров П.А. *Академик Анатолий Петрович Александров. Прямая речь*. М.: Наука, 2002. С. 15–16.

тябре 1919 года, когда 14–16 октября Киев был занят красноармейцами, там и в окрестностях шли бои, в результате которых белые (при поддержке киевских добровольцев) город отбили. Однако Александров никак не могу попасть в Крым с киевской группой генерал-лейтенанта Николая Бредова: она после занятия Киева Красной армией 16 декабря 1919 года отступила не в Крым, а в Польшу. Скорее всего Александров в тот период, когда Киев находился во власти белых, был направлен в Крым в юнкерское училище. У него был достаточный образовательный ценз: в 1918 году он окончил реальное училище в Киеве. Юнкера участвовали в обороне Крыма в январе 1920-го и в последующих боях Русской армии Врангеля. Возможно, насчет трех Георгиевских крестов – это поэтическое преувеличение, но как минимум один крест у Александрова скорее всего был.

Племянник Александрова, Михаил Классон, приводит рассказ сына Александра об отце:

«Мне было тогда больше двадцати лет, и я приехал к родителям, которые были на охоте в районе Обнинска. Мы там порядочно приняли на грудь, и отец предложил мне прокатиться на машине. Он иногда любил сам поездить на своей “эмке”, за рулем которой обычно сидел его охранник. Был довольно густой туман, а отец гнал очень быстро. Мне стало страшно, и я стал просить его ехать потише. Он, глядя вперед неподвижными глазами, сказал: “Что, страшно? Разве это страшно? Вот представь себе, что ты лежишь за пулеметом, а на тебя летит казачья лава! А за тобой прохаживается офицер, постукивает хлыстиком по сапогам, и говорит: “Рано, рано! Не стрелять!” А ты уже видишь пену на лошадиных мордах, блеск сабель! Вот когда страшно!”

Еще был такой эпизод: я читал “Тихий Дон”, отец вошел, спросил, что читаю. Я дал ему книгу, она была открыта как раз в том месте, где Григорий Мелехов уже вернулся в хутор и ждет, арестуют его или нет. Отец прочел страничку и сказал: “Да, это самое ужасное: вот так сидеть и ждать ареста!” Я спрашиваю: “А ты ждал?” Он ответил: “Много лет!”»¹⁰

Петр Александров приводит рассказ другого племянника своего отца – академика Евгения Александрова, – согласно которому в 1969 году тот сообщил ему:

«[В 16 лет] оказался в белой армии, где безумно преуспел и прославился до такой степени, что удостоился трех Георгиевских крестов. [...] Но тогда он осознал, что с такой наградой в России после 1917 года долго не проживешь. И он решил эти Георгиевские кресты спрятать. Закопал их под каким-то мостом, а потом вскоре

10 Классон М.И. *Роберт Классон и Мотовиловы – биографические очерки* (<https://famhist.ru/famhist/klasson/ukaz-imen.pdf>). За указание на этот источник приношу искреннюю благодарность своему другу Андрею Мартынову.

попал в облаву и оказался вместе со многими захваченными в каком-то подвале. Захваченных вызывали одного за другим на допрос и немедленно убивали – оставшиеся слышали выстрелы. Дядю вызвали на допрос в свой черед. Допрашивала его какая-то девица в “кожаной тужурке”, которая прониклась сочувствием к дяде (бывшему очень красивым и рослым молодым человеком) и молча показала ему на некий черный выход наружу, каковым он и воспользовался незамедлительно»¹¹.

Рассказ о чудесном спасении Александрова в Крыму выглядит правдоподобно. В условиях, когда бывших белогвардейцев в Крыму расстреливали десятками тысяч, спасение зависело исключительно от прихоти какого-нибудь комиссара или чекиста. По всей вероятности, примерно так же спастся Тихонов. Наверное, перед тем, как попасть к красным, он тоже догадался закопать или выбросить два своих Георгиевских креста, полученных еще в Первую мировую.

О службе Бориса Иогансона у белых известно очень мало. Как утверждал в мемуарах художник Алексей Смирнов, Иогансон писал портреты верховного правителя адмирала Колчака вместе с художником Александром Соловьевым¹². В советское время журнал «Искусство» в 1959 году писал об Иогансоне так:

«Факты подтверждают это: служба в белой армии, где художник увидел моральное ничтожество белых офицеров, побег из армии, скитания по дорогам гражданской войны, тифозный госпиталь и, наконец, служба в Красной армии – действительно “этапы большого пути”, закономерно приведшего живописца к выводу, что служить народу – главное призвание художника»¹³.

Из этого описания можно только предположить, что Иогансон, как и тысячи других солдат и офицеров колчаковской армии, находился в тифозном госпитале в Омске в ноябре 1919 года, в момент его оставления белыми, и попал в плен к красным. Внук художника, Игорь Иогансон, в 2001 году утверждал, что его дед сам признался Сталину в своей службе у белых:

«Как вам удалось такое состояние, такой эффект “присутствия?” – тихонько вопрошал его искусствовед “номер один” на банкете в его честь. – “А я сам там был!” – громко заявил дед. Он имел в тот момент в виду сидящего спиной генерала на своей картине “Допрос коммунистов”, а не задействованные им подземные стихии. Правда – повысил себя в чине. Он был белым офицером (неизвестные страницы из его биографии)»¹⁴.

11 Александров П.А. Указ. соч. С. 15.

12 Смирнов А.Г. Полное и окончательное безобразие. Мемуары. Эссе / Сост. И. Врубель-Голубкина, М. Гробман. Тель-Авив; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 89–90.

13 Цит. по: <https://wyradhe.livejournal.com/214114.html#>.

14 Иогансон И. Мои предки // Комментарии. 2001. № 20 (www.commentmag.ru/magazine/).

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

Ничего конкретного о службе Иогансона у белых в этом сообщении нет. Можно только предположить, что он служил вместе с Соловьевым, который в советскую элиту потом не выбился и очень завидовал Иогансону, хотя при советской власти вел вполне безбедное существование и даже писал парадные портреты советских маршалов. «Белая биография» Соловьева реконструирована Занфирой Девятьяровой. Летом 1918 года тот вступил в Народную армию Комуча в Казани. Девятьярова предположила, что он мог служить в Стрелковой бригаде особого назначения Владимира Каппеля. Затем Соловьев в чине поручика оказался в составе 1-го Волжского армейского корпуса, которым тоже командовал Каппель, но вскоре перешел служить инструктором в отделение по внешкольному образованию войск при Главном штабе в Омске. Девятьярова опознала Соловьева на фотографии «Генерал Морис Жанен в группе у поезда. Омск, 1919 г.»¹⁵. По ее предположению, Соловьев принимал участие в подавлении кустанайского восстания в апреле 1919-го и в Тобольском сражении в августе–сентябре 1919-го, а также в сибирском Ледяном походе Каппеля¹⁶. Смирнов утверждал, что Соловьев рассказывал ему, как «его конь был рядом с конем, на котором замерзший труп генерала Каппеля отступал с его армией»¹⁷.

Можно предположить, что Иогансон, как и Соловьев, служил в 1-м Волжском корпусе, а потом при штабе в Омске и вместе с Соловьевым участвовал в подавлении кустанайского восстания и в Тобольском сражении. Но в сибирском Ледяном походе Иогансон скорее всего не участвовал, так как попал в плен еще в Омске. Вероятно, он имел примерно тот же чин, что и Соловьев, – поручика или подпоручика.

Николай Зубов окончил Морской кадетский корпус. В декабре 1915 года он был произведен в капитаны 2-го ранга, а Первую мировую войну закончил командиром эскадренного миноносца «Орфей» Балтийского флота. Как вспоминал капитан 2-го ранга Гаральд Граф, после февральской революции тот решительно стоял за продолжение войны до победного конца: «Экзальтированные речи капитана 2 ранга Н. Зубова так действовали на матросов, что они становились на колени и приносили клятву о борьбе за Россию»¹⁸. На Урале он всту-

15 См.: Штабной вагон главнокомандующего Союзными войсками в Сибири генерала Мориса Жанена. Омск 1918–1919 гг. (<http://kvf47.rasfokus.ru/photos/best/photo1970484>). Соловьев здесь – стоящий вторым слева русский офицер.

16 Девятьярова З.Г. «Я обязан Дмитрию Николаевичу Кардовскому всем, что мною сделано в жизни...». Неизвестные страницы биографии художника А.М. Соловьева периода гражданской войны (1918–1922) // Творчество Д.Н. Кардовского и его учеников в контексте российской культуры XX века. Материалы научной конференции. Переславль-Залесский, 7 сентября 2016 г. Переславль-Залесский: УГП имени А.К. Айламазяна, 2016. С. 81–89.

17 Смирнов А.Г. Указ. соч. С. 91.

18 Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 355.

пил в Народную армию Комуча. Приказ начальника 7-й Уральской дивизии горных стрелков – одной из лучших у белых на Восточном фронте – генерал-майора Владимира Голицына от 27 сентября 1918 года гласил: «Подполковника (капитана 2 ранга) Николая Николаевича Зубова зачисляю в список 26 Шадринского полка горных стрелков и назначаю командующим обоими бронированными поездами дивизии». А уже 5 октября Зубов возглавил отдельный броневой железнодорожный дивизион 3-го Уральского армейского корпуса, состоявший все из тех же двух бронепоездов – «Горняк» и «Тагил». Значительная часть 3-го Уральского корпуса, уже лишившегося бронепоездов, сдалась в плен красным в начале января 1920 года в районе деревни Алтайской. Скорее всего тогда же был пленен и Зубов. Он заявил, что был командиром запасного батальона и в боях не участвовал. Так и писал в автобиографии: «В 1918–1919 годах был мобилизован в армию Колчака, где служил командиром запасного батальона в чине подполковника». Возможно, в момент сдачи в плен так оно и было. Бывшего командира бронедивизиона после потери бронепоездов могли назначить командиром запасного батальона. А про свое боевое прошлое Николай Николаевич по понятным причинам утаил. Неприятельские бронепоезда красноармейцы особенно ненавидели и могли под горячую руку и расстрелять. А уже с 1920 года Зубов служил начальником учебного отдела в Штабе морских сил Красной армии¹⁹.

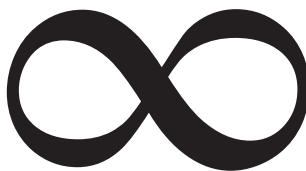
Леонид Леонов был сыном писателя, издателя и журналиста Максима Леонова, примыкавшего к эсерам. Революцию 1917 года Леонов встретил в Архангельске, где находился в ссылке его отец. В марте 1919-го Леонов был призван в белую Северную армию и направлен в артиллерийское училище в Архангельске. 31 мая он был выпущен подпрапорщиком артиллерии и в июне принимал участие в боях на реке Шепелевке у деревни Звоз в составе 1-го Северного отдельного артиллерийского дивизиона. 3 ноября его произвели в прапорщики артиллерии, а 27 декабря перевели в 4-й Северный отдельный артиллерийский дивизион на том же Двинском фронте. В середине февраля 1920 года белый фронт перед Архангельском рассыпался. 21 февраля в город, где власть была уже у местного земства, вошли части Красной армии, а 23 февраля Леонов зарегистрировался как бывший офицер белой Северной армии²⁰. Отметим, что эвакуироваться с генералом Миллером на ледоколе «Минин» у него не было никакой возможности: туда погру-

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

19 Кузнецов Н.А. «Других писателей у меня нет...»: колчаковский фронт советской науки // Родина. 2008. № 3. С. 93–95.

20 См.: https://vk.com/wall-12288779_19867; Прилепин З. Леонид Леонов. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 82–83, 89.

зили только 600 военнослужащих из 20-тысячной армии и 200 гражданских лиц. 1 апреля 1920 года Леонов стал секретарем печатной стенной газеты архангельского отделения РОСТА «Красная весть», а в июне поступил добровольцем в Красную армию и был направлен на врангелевский фронт, где стал редактором «Бюллетеня» политотдела 15-й Инзенской стрелковой дивизии²¹.

Служба Валентина Катаева у белых в Добровольческой армии Деникина продолжалась в феврале–марте и с сентября 1919 года по январь 1920-го, когда он заболел сыпным тифом и был эвакуирован в одесский госпиталь. Более 20 лет Катаев скрывал этот эпизод, но в 1942-м при заполнении личной карточки члена Союза писателей СССР на вопрос «Служил ли в армиях и отрядах, боровшихся против советской власти?» ответил: «Был мобилизован в 1920 году Деникиным, прослужил 4 дня в запасной артиллерийской бригаде, дезертировал», – что не имело ничего общего с действительностью. В 1942-м Одесса была оккупирована румынской армией, и Катаев опасался, что в местных изданиях могут быть опубликованы материалы о его службе у белых. В Добровольческой армии он служил в чине подпоручика²².

Всеволод Иванов очень короткое время в ноябре 1919 года служил пулеметчиком на белом бронепоезде в войсках Колчака и в дальнейшем благополучно скрыл этот факт, хотя и отразил его в автобиографии 1921 года. Он был в звании рядового²³.

Что касается Николая Погодина (Стукалова), то имеется свидетельство жены Михаила Булгакова, Елены, записавшей в дневнике 24 мая 1935 года:

«Были на премьере “Аристократов” в Вахтанговском. Пьеса – гимн ГПУ. [...] После спектакля Симонов пригласил нас к себе. [...] Погодин [автор “Аристократов”. – Б.С.] много рассказывал: о Буденном, о том, как он – Погодин – попал в плен и как его чуть не расстреляли»²⁴.

Вероятно, Погодин попал в плен при взятии буденновцами Ростова-на-Дону 10 января 1920 года. Можно предположить, что он был юнкером Новочеркасского училища или даже произведен в прапорщики. В составленной историком Сергеем Волковым картотеке участников Белого движения есть Николай Митрофанович Стукалов – уроженец Кубанской области, прапорщик в Вооруженных силах Юга России, взятый в плен и в начале 1922 года, находившийся на особом учете в Кубано-

21 Прилепин З. Указ. соч. С. 695.

22 Там же. С. 129.

23 Там же. С. 136–137.

24 Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. С. 99.

Черноморском ОВК, а также Николай Митрофанович Стукалов – подпоручик того же воинского формирования, в 1919-м служивший на Новороссийской военной базе. Возможно, в данном случае речь идет об одном и том же человеке²⁵.

Согласно официальной советской биографии, Николай Погодин родился 3(16) ноября 1900 года в станице Гундоровской области Войска Донского и числился незаконнорожденным. Какое-то время он служил в Красной армии «добровольцем», а уже в 1920 году печатался в ростовской газете «Трудовая жизнь». При этом Погодин будто бы происходил из семьи бедных тамбовских крестьян, бежавших от нищеты на Дон, и не имел даже законченного среднего образования. О его службе у белых не упоминалось²⁶. Поскольку метрическая запись о рождении Погодина (Стукалова) до сих пор не опубликована, нельзя быть уверенным ни в дате и месте его рождения, ни в подлинном отчестве, ни в полученном образовании. Тот факт, что буденновцы чуть не расстреляли Погодина, может свидетельствовать о том, что он был юнкером или офицером. Попавших в плен рядовых деникинцев обычно не расстреливали, а мобилизовывали в Красную армию. Тем не менее тождественность Николая Федоровича Погодина и Николая Митрофановича Стукалова не может считаться доказанной. Добавим только, что «добровольность» службы Погодина в Конной армии Буденного была очень условной – ведь делать это пришлось под угрозой расстрела. Не исключено, что псевдоним Погодин – в честь настоящей фамилии главного героя романа Леонида Андреева «Сашка Жегулев» (1911)²⁷ – драматург принял для того, чтобы его не мог опознать кто-то из сослуживцев по Вооруженным силам Юга России.

Сведения о службе у белых Бориса Лавренева (Сергеева), происходившего из разорившихся дворян, крайне скудны и противоречивы. После начала Первой мировой войны он прошел ускоренный курс Михайловского артиллерийского училища и в 1915 году ушел на фронт. Он служил в 6-м Кавказском мортирном дивизионе, окончив войну в чине поручика. Во время февральской революции был комендантом штаба революционных войск Московского гарнизона, а затем адъютантом коменданта Москвы²⁸. Своему биографу Зелику Штейнману Лавренев сообщил в 1934 году: «Попал в гетманскую мобили-

БОРИС СОКОЛОВ

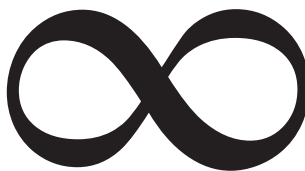
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

25 Участники Белого движения в России. Генеалогический форум ВГД (<https://forum.vgd.ru/post/395/70313/r2003488.htm>).

26 Погодин Николай Федорович // Большая российская энциклопедия (<https://bigenc.ru/c/pogodin-nikolai-fedorovich-c6861f>); Волгарь А. Жизнь и творчество Николая Погодина // Погодин Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Искусство, 1972. Т. 1. С. 3.

27 Волгарь А. Указ. соч. С. 4.

28 МАКАШИНА В.Г. Лавренев Борис Андреевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: В 3 т. М.: Олма-пресс инвест, 2005. Т. 2. С. 392.

зацию. В качестве явно неблагонадежного элемента в числе других зачислен был в “летучий студенческий отряд внутренней обороны”. В день вступления в Киев армии УНР отряд прекратил свое существование²⁹. Дальнейший путь Лавренева в гражданской войне неясен. В 1946-м он получил от бывшего наркома по военным и морским делам Советской Украины в 1919 году следующую замечательную справку:

«Настоящим заверяю, что военный моряк командного состава, тов. ЛАВРЕНЕВ Борис Андреевич, летом 1919 года, в бытность мою Народным Комиссаром по Военным делам Украинской Советской Республики, находился в период операций по вытеснению и ликвидации банд атамана Зеленого из районов Триполье – Канев в моем полевом штабе на ст. Мироновка в должности начальника артиллерии. В ответственный момент операции, когда теснимые банды отходили к линии железной дороги южнее селения Германовка, ставя себе целью прорыв окружения, и когда выяснился недостаток артиллерийских средств для воспрепятствования намерениям противника, – т. ЛАВРЕНЕВ, использовав штабную команду моряков, в течение суток построил местными средствами на имевшихся товарных платформах две бронеплощадки, вооружив их трехдюймовыми полевыми пушками. В оборудовании площадок т. ЛАВРЕНЕВ принимал личное участие, работая наравне с моряками и железнодорожными рабочими. 29-го июля, в момент наступления банд на полотно железной дороги, после того как прямым попаданием снаряда в паровоз был выведен из строя бронепоезд № 6, под командованием военмора т. ПОПОВА, т. ЛАВРЕНЕВ остался со своими бронеплощадками на линии в качестве единственной поддержки сводной курсантской бригады и интернационального кавдивизиона, ведших бой с бандами. В течение нескольких часов т. ЛАВРЕНЕВ преграждал дорогу отступавшим бандам у разъезда Карапыши, трижды отбрасывал бандитов картечью и в это время был ранен в левую ступню с раздроблением костей, но остался в строю и продолжал вести бой до полного окончания операции, нанеся шрапнельным огнем крупные потери бандитам, которым удалось перевалить полотно только после подрыва рельсов, лишившего бронеплощадки свободы передвижения. Уходя под огнем бронеплощадок, банды бросили на полотно и в поле много боеприпасов, снаряжения и военного имущества. Т. ЛАВРЕНЕВ сдал командование новому командиру только после личного доклада мне о бое, после чего был эвакуирован в Киев. Бывший наркомвоен Украинской Советской Республики Н. Подвойский. Москва, 1946 г.»³⁰.

Таким образом, не вызывает сомнений, что с лета 1919 года Лавренев находился в Красной армии. Но Подвойский не сообщает, откуда Лавренев прибыл в его штаб. Поэтому закрадыва-

29 Цит. по: Огрызко В. *Время невысказанности* // Литературная Россия. 2015. № 23 (<https://litrossia.ru/item/4405-oldarchive>).

30 Там же.

ется подозрение, что ранее он служил у белых. Лавренев мог попасть в плен во время боев красных с Добровольческой армией на Левобережной Украине в июне–июле 1919 года. Возможно, обстоятельства его пленения схожи с тем, как в плену у красных оказался один из персонажей лавреневской повести «Ветер» (1924): «долговязый, сухопарый ротмистр с сивыми усами», которого матрос Василий Гулявин обращает в советскую веру после того, как тот залпом выпивает ведро спирта, – хотя там это событие отнесено к 1918 году.

Василий Ян (Янчевецкий) в 1917 году в чине коллежского советника находился в Яссах в канцелярии министра-посланника в Румынии генерал-лейтенанта Александра Мосолова. После октябрьской революции в Яссах было создано тайное общество для борьбы с большевизмом, возглавленное военным аташе, полковником Борисом Палицыным, которое первоначально состояло из пяти человек, включая Янчевецкого. 12 декабря в Яссы прибыл полковник Михаил Дроздовский с намерением создать добровольческий отряд для борьбы с большевиками. Он возглавил созданную Палицыным организацию, которая стала называться 1-й бригадой русских добровольцев. В тот же день вышел первый номер газеты «Республиканец», издателем которой выступил Янчевецкий. В передовице он писал:

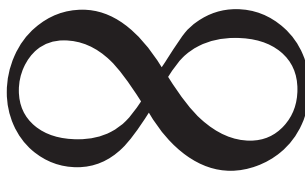
«Мы переживаем трудное, тяжелое время. Это уже не революция, которая делает переворот и затем создает новые, лучшие условия жизни. Это началось смутное время полной разрухи. [...] И, чем больше повсюду беспорядков, грабежей, погромов, столкновений одной части населения с другой, тем более все сознают, что нельзя больше ждать спасения из Петрограда. Нужно самим браться за дело. [...] Теперь нужны сильные духом, твердые люди на местах, которые, не боясь трудностей, даже опасностей, будут работать над установлением связей между разными национальными организациями и партиями для совместного подавления разрухи, для созыва независимого Учредительного собрания, которое выработает основные законы нового, республиканского строя».

Газета имела резко антибольшевистский характер и широко распространялась среди русских войск в Румынии, а в начале 1918 года была переименована в «Родину»³¹. В дальнейшем Янчевецкий принял участие в походе отряда Дроздовского из Ясс до Новочеркасска. В не публиковавшихся при жизни воспоминаниях он писал об этом так, не упоминая Дроздовского: «Я оставил спокойную жизнь за границей и пробрался через Украину и большевистский фронт, чтобы участвовать в борьбе

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

31 Просветов И.В. *10 жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградил Сталин*. М.: Издательские решения, 2016. С. 47–48; Луков Е.В., Шевелев Д.Н. *Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.)*. Томск: Издательство Томского университета, 2007. С. 70.

с большевизмом и в возрождении родины»³². В официальной же биографии период гражданской войны он осветил совсем скупо: «Весной 1918 года вернулся в Россию, попал в Сибирь, бежал от колчаковской мобилизации интеллигенции в Минусинск, где в 1922 году было организатором газеты “Власть труда”»³³.

В конце мая Янчевецкий с семьей оказался в Самаре, где узнал о восстании Чехословацкого корпуса. Можно предположить, что он получил командировку от командования Добровольческой армии для подпольной работы в Поволжье. 8 июня чехословаки заняли Самару, где образовался Комуч, который начал формировать Народную армию. Янчевецкий же стал издавать газету, редакция и типография которой размещались в вагонах поезда, чтобы можно было следовать за войсками. С редакцией газеты он добрался до Челябинска, где выпустил ее под названием «Республиканец», а с 14 января 1919 года переименовал ее в «Родину».

Главной задачей газеты Янчевецкий ставил «проведение идей верности союзникам, возрождения России и борьбы с большевизмом»³⁴. Первый номер, теперь уже под новым названием «Вперед», вышел уже в колчаковской столице Омске в марте 1919 года. 3 марта Янчевецкий был утвержден начальником осведомительного отделения Особой канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего (Осканверха), ведавшей пропагандой в армии. Фактически он исполнял эту должность с 21 января и печатался под псевдонимом Янчевецкий-Кременец³⁵. Погоны коллежского советника совпадали с полковничьими, поэтому служившие под его началом в газете «Вперед» называли его полковником. Однако документов о присвоении Янчевецкому такого звания не найдено. Максимальный тираж газеты «Вперед» в период колчаковского наступления к Волге достиг трех тысяч экземпляров³⁶.

Когда белые в конце декабря взяли Пермь, захватив трофеи и 31 тысячу пленных, Янчевецкий радостно писал в «Республиканце»:

«Падение Перми приближает нас к сердцу врага – к Москве. – А скорейшее достижение Москвы и ликвидация большевизма не может не радовать каждого изголодавшегося по хлебу, миру и покою русского»³⁷.

А после колчаковского переворота и ареста ряда эсеров прозорливо предупреждал:

32 ПРОСВЕТОВ И.В. *Указ. соч.* С. 49.

33 Там же. С. 1–2.

34 Луков Е.В., ШЕВЕЛЕВ Д.Н. *Указ. соч.* С. 70.

35 Там же. С. 71.

36 Там же. С. 55.

37 ПРОСВЕТОВ И.В. *Указ. соч.* С. 51.

«Нужно не отталкивать тех лиц и те партии, которые уже ведут борьбу, уже сорганизованы. Большевизм – слишком грозное явление, чтобы презирать и отталкивать всякую помощь в общей борьбе против него»³⁸.

БОРИС СОКОЛОВ
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

Полковник Иосиф Ильин (1885–1981), возглавлявший у Колчака штаб формирования дружин Святого Креста, 23 июня 1919 года записал свои впечатления от встречи с Янчевецким в Екатеринбурге: «Очень умный, тонкий человек; его сразу не разберешь и мыслей его не узнаешь»³⁹. Возможно, эти качества помогли ему скрывать свое белогвардейское прошлое. В мемуарах Ильин писал:

«Мы с ним [Янчевецким. – Б.С.] много говорили о Колчаке, которому он очень симпатизировал, но на положение смотрел мрачно. Очень критически говорил о чехах, которые, по его мнению, играют в руку большевиков, и не менее критически отзывался о союзниках: “Англичане уже уходят. Стоило обозначиться неудаче, и союзники быстро эвакуируются. В чем их помощь? Два-три батальона в тылу? А эта комическая батарея французов? А что делается в тылу? Вы знаете, какие восстания крестьян в Сибири? Положение Колчака тяжелое... А кто его окружает? Разве один Пепеляев – еще человек с характером, а ведь остальные – это же провинциальные чиновники, какой у них государственный опыт?”»⁴⁰

Последний дошедший до нас номер газеты «Вперед» датирован 17 октября 1919 года. Неизвестно, выходила ли газета после этого. Последний документ, касающийся службы Янчевецкого у белых, – телеграмма директора «Русского бюро печати» Александра Клафтона (1871–1920) от 16 декабря 1919 года, принятая в Иркутске: «Еду поезде Верховного правителя. [...] Эвакуирую Ново-Николаевский район пользуясь любезностью газеты “Вперед” и имея две теплушки»⁴¹. Янчевецкий в эшелоне добрался до Ачинска. Там 29 декабря 1919 года произошел взрыв двух вагонов с порохом и трех цистерн с горючим, повлекший большое число жертв. Сын Янчевецкого, Михаил, вспоминал:

«Оказавшись в какой-то момент в Ачинске, мы пережили партизанский налет. Партизаны подорвали колчаковский поезд, в котором была вся наша семья. Отец был в городе в это время, поэтому с ним ничего не случилось. А у нас все были ранены. Я был оглушен, контужен, а мне было тогда лет семь. Женя, сестра моя сводная,

38 Там же. С. 54.

39 Ильин И.С. *Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920*. М.: Книжница; Русский путь, 2016. С. 379.

40 Просветов И.В. *Указ. соч.* С. 56.

41 Там же. С. 60.

была ранена, Ольга Алексеевна, моя воспитательница, тоже была ранена. С нами ехала одна американка – ее разорвало на части. Все вокруг было разрушено и сгорело – весь поезд. Это был кошмар. Отец стоял со всем своим израненным семейством на перроне, все вокруг в крови, пожарище. В это время проходил поезд с Колчаком. И начальник колчаковского штаба, полковник, увидел нас, бросил отцу из окна вагона саквояж, полный денег. На них мы купили лошадь и дровни и смогли существовать какое-то время. Он нас спас, этот офицер. Отец решил тогда, что дело кончилось с Белогвардейской армией, с Колчаком. Мы поселились в Туве»⁴².

Не исключено, что про саквояж, выброшенный неким полковником из окна поезда, – красивая легенда. У Янчевецкого просто могли остаться какие-то деньги, предназначенные для издания газеты. Поскольку в Ачинске он выходил из вагона в город только в штатском, никто в городе не заподозрил в нем видного военного пропагандиста Колчака. Когда 2 января 1920 года красные заняли Ачинск, Янчевецкий в Ачинском ревкоме представился учителем из Петрограда, получил место школьного инспектора, а при первой возможности уехал подальше от Транссиба – учителем по оргнабору в Тыву (Урянхайский край)⁴³.

Лев Книппер был этническим немцем, сыном действительного статского советника Константина Книппера (1866–1924), инженера-железнодорожника, начальника технического управления Министерства путей сообщения в правительстве адмирала Колчака, а после разгрома белого Восточного фронта благополучно вернувшегося в Москву и репрессиям не подвергавшемуся. Лев Книппер служил в 6-й батарее 2-го конно-артиллерийского дивизиона Добровольческой армии Деникина, дослужился до подпоручика и вместе с Русской армией Врангеля в ноябре 1920 года эвакуировался в Галлиполи. Свою биографию периода Первой мировой и гражданской войн он вспоминал так:

«В угаре лжепатриотизма, под грузом с детства нажитых понятий и предрассудков я убежал на фронт. Меня насильно вернули в Москву и заставили окончить гимназию [частную гимназию Флерова. – Б.С.] (удивительно, что я получил тогда “золотую медаль”). Затем поступление в Московское высшее техническое училище (ныне МГТУ имени Баумана), служба вольноопределяющимся сначала в Москве в одной из войсковых запасных частей, затем опять фронт и летом 1917 года – школа в Орле, готовившая офицеров конной

42 Янчевецкий М.В. «Начальник колчаковского штаба бросил моему отцу из окна вагона саквояж, полный денег». Воспоминания о писателе Яне. Интервью Елене Чавчавадзе // Газета. 2003. 3 апреля (<https://web.archive.org/web/20070930210802/http://www.gzt.ru/culture/2003/04/03/110404.html>).

43 Просветов И.В. Указ. соч. С. 63–64.

артиллерии. Отъезд к родственникам на юг России; мобилизация в белую армию, дезертирство»⁴⁴.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

Но, как полагает английский историк Энтони Бивор, на самом деле весной 1917 года Лев Книппер был выпущен из училища в чине прапорщика и всю гражданскую войну прослужил на юге России в белой армии. Когда он оказался на Галлипольском полуострове, то сумел связаться со своей теткой Ольгой Книппер (Книппер-Чеховой), которая вместе с группой актеров МХАТа под руководством Качалова гастролировала на Балканах. Она выслала племяннику деньги и пригласила присоединиться к труппе. В начале 1921 года они встретились в Загребе, а в апреле вся труппа получила временные советские паспорта в полпредстве в Берлине⁴⁵. В мае 1922 года, после переговоров с советскими властями, труппа вернулась в Москву, причем Книппер-Чеховой удалось добиться обещания, что ее племянника не тронут⁴⁶. Как вспоминал сын Книппера, Андрей, рассказывая в интервью с Бивором об ужасах, которые тот наблюдал во время своей службы у белых, отец описывал их командира, генерала Хлудова:

«У него был тяжелый взгляд, и он ходил взад и вперед по рядам солдат, уделяя особое внимание тем, кто был насильно мобилизован. Иногда, после долгого прохождения вдоль строя, он вдруг говорил кому-нибудь из них: “У тебя в голове играют красные дьяволы!” – и расстреливал его на месте»⁴⁷.

Британский историк, очевидно, не опознал в генерале Хлудове героя булгаковской пьесы «Бег» и сцены, когда тот отправляет на казнь вестового Крапилина. Прототипом Хлудова был врангелевский генерал Яков Слащев (Слащев-Крымский). Более вероятным представляется то, что настоящих жестокостей белых Книппер не видел и придумывал их, ссылаясь на булгаковского генерала Хлудова, чтобы оправдать свое мнимое дезертирство от белых. Но не исключено, что Книппер действительно служил под началом Слащева, а его сын много десятилетий спустя по ошибке вместо Слащева упомянул восходящего к нему персонажа.

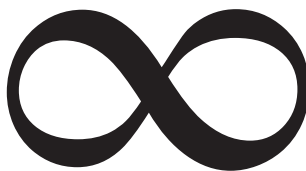
Александр Довженко в 1914 году окончил Глуховский учительский институт и начал преподавать естествознание и гимнастику, а затем физику, географию, историю во Втором Жито-

⁴⁴ Финкельштейн К. *Книппер Лев Константинович – музыкант, альпинист, разведчик* (<https://tunnel.ru/post-lev-konstantinovich-knipper>); *Лев Книппер 1898–1974. Воспоминания, дневники, заметки*. М.: Советский композитор, 1980. С. 15.

⁴⁵ Шверубович В. В. *О людях, о театре и о себе*. М.: Искусство, 1976. С. 153, 175.

⁴⁶ BEEVOR A. *The Mystery of Olga Chekhova*. London: Penguin Random House, 2018. P. 49, 64, 76, 80, 88–91.

⁴⁷ Ibid. P. 64.

мирском высшем начальном училище. В 1917 году он поступил в Киевский коммерческий институт, а в конце 1917-го вступил в армию Украинской Народной Республики.

В НКВД были прекрасно осведомлены о его службе в армии УНР. Так, в письме начальника 2-го отдела УГБ НКВД УССР, капитана П.Г. Дроздецкого, и начальника 6-го отделения 2-го отдела УГБ НКВД УССР, лейтенанта Я.Л. Герсонского, заместителю начальника особого отдела ГУГБ НКВД СССР, капитану Ф.Г. Петрову, 19 февраля 1941 года сообщалось:

«ДОВЖЕНКО Александр Петрович нами активно разрабатывается как украинский националист. В прошлом – петлюровец, благодаря связям избегнув наказания, сумел устроиться в 1921–22 гг. на ответственную работу в полпредстве УССР, сначала в Польше, а затем в Германии. Оставив в дальнейшем работу в полпредстве, поступил на учебу в немецкую художественную школу, по окончании которой вернулся на Украину»⁴⁸.

Роман Росляк свидетельствует, что в досье на Довженко НКВД УССР, начатом в конце 1920-х, отмечено, что тот служил в армии УНР. Согласно этому документу, Довженко был арестован в конце декабря 1919 года Волынской ЧК, когда пытался перейти границу между Польшей и Советской Украиной. Ему инкриминировали участие в петлюровской армии, в которую он вступил добровольно, и незаконное пересечение границы с поддельными документами на имя учителя сельской школы. 27 декабря он был приговорен к заключению в концлагерь до конца гражданской войны. Но в тот же день приговор был отменен на заседании губернского комитета Украинской коммунистической партии боротьбистов (украинских левых эсеров, объединившихся весной 1920 года с КП(б) Украины). За Довженко заступился один из лидеров боротьбистов – поэт Василий Эллан-Блакитный (1893/94–1925) – который посоветовал тому вступить в их партию, что Довженко и сделал в начале 1920 года. Затем вместе с ней он влился в компартию Украины, вышел из нее в августе 1923-го в ходе партийной чистки – и в дальнейшем не пытался восстановиться. В 1920 году Довженко преподавал историю и географию в школе красных старшин при штабе 44-й стрелковой дивизии в Житомире, а с начала 1921 года работал в представительстве Советской Украины в Польше⁴⁹.

Старшая сестра первой жены Довженко, Варвары Крыловой, рассказывала украинскому писателю Борису Антоненко-Давидовичу, как тот «в конце 1917-го или в начале 1918 года заходил

48 Горин Г. [Росляк Р.] *Кто вы, мистер «Альберт»? Александр Довженко в документах советских спецслужб. Часть третья* // Сеанс. 2019. 14 сентября (<https://seance.ru/articles/alexander-dovzhenko-donosy-3/>).

49 ROSLIAK R. *Oleksandr Dovzhenko and the Soviet Secret Police* // Images. 2023. Vol. XXXIV. № 43. P. 177–178.

к ним в серой шапке со шлыком, принадлежа к куреню Черных гайдамаков, участвовавших в штурме киевского “Арсенала”». Земляк Довженко инженер Петр Шох, позднее эмигрировавший, подтвердил, что служил вместе с ним в 1918 году в 3-м Сердючком полку Украинской армии⁵⁰. В каком чине был Довженко в армии УНР, неизвестно до сих пор. Олесь Гончар записал в дневнике 7 февраля 1994 года:

«Недавно довелось узнать, будто Довженко в чине петлюровского сотника участвовал в штурме “Арсенала”. Если это правда, можно понять, какой дамоклов меч Довженко чувствовал над собой во все последующие годы»⁵¹.

Это единственное на сегодня свидетельство о службе Довженко в армии УНР, где указан его чин. Сам Гончар узнал об этом не от Довженко, а от кого-то из общих с ним знакомых, причем уже после обретения Украиной независимости, когда такая информация уже ничем не могла повредить Довженко. Сам писатель не был вполне уверен в ее достоверности. Сомнения здесь вызывает не сам факт участия Довженко в подавлении восстания на «Арсенале», а его чин. В армии УНР сотник был третьим офицерским чином, примерно соответствующим капитану русской императорской армии. Маловероятно, что в начале 1918 года Довженко, ранее не служивший в армии, имел столь высокий чин. Возможно, что он стал сотником позднее, в 1919-м. Можно также допустить, что Довженко успел в 1917-м окончить ускоренный курс одного из киевских военных училищ. Тогда его производство в сотники вполне объяснимо. Факт же окончания военного училища по понятным причинам приходилось скрывать. Житомирский писатель Борис Дубман утверждает, что есть донос в ВЧК «какого-то Кандыбы о том, что в родительском доме в Соснице хранится фотография Александра Довженко в “гайдамацькій формі – кожусі, смушевій шапці з китицею, шаблею на боці”, которую потом передадут в киевский музей Довженко, откуда она и исчезла»⁵². Если эта информация соответствует действительности, то сабля на боку может указывать на офицерство Довженко.

Игнатий Сосновский (Добржиньский) родился в Риге, в польской дворянской семье, успел окончить два курса историко-филологического и философского факультетов Московского университета. В конце 1918 года стал членом Польской организации войсковой под кличкой «Сверчок» (*Świerczek*), участвовал в разоружении немецких гарнизонов в Сувалках и Гродно.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

50 Тримбач С. В. *Олександр Довженко. Загибель богів. Ідентифікація автора в національному часо-просторі*. Вінниця: Глобус-Пресс, 2007. С. 39–40.

51 Гончар О. Т. *Щоденники. Т. 3 (1984–1995)*. Київ: Веселка, 2003. С. 511.

52 Дубман Б. *Юные годы Александра Довженко в Житомире* (<https://proza.ru/2012/11/14/1871>).

После обретения Польшей независимости в чине подпоручика служил офицером 2-го отдела (разведка) Генштаба Польской армии и являлся начальником разведывательного отделения в Литве и Восточной Пруссии.

С ноября 1919 года под именем Сосновского был резидентом польской разведки в Москве, где служил писарем в автоброневом дивизионе. В июне 1920-го арестован ЧК вместе со своей невестой Яной Реплинской. В августе, после допросов и бесед с главой ВЧК Феликсом Дзержинским и одним из лидеров польских коммунистов Юлианом Мархлевским, согласился служить в ВЧК. Сосновский выдал всю известную ему польскую агентурную сеть, поставив условие, что арестованные поляки не будут расстреляны, а только депортированы в Польшу. Артур Артузов (Фраучи), арестовывавший Сосновского в качестве начальника оперативного отделения Особого отдела ВЧК, уже после собственного ареста в 1937 году писал:

«Дзержинский разрешил обещать Сосновскому не стрелять идейных пилсудчиков из его агентов, а выпустить в Польшу под честное слово не заниматься более шпионажем против РСФСР. На этом условии Сосновский стал давать показания. Дзержинский по делу Сосновского советовался с Лениным и счел возможным рекомендовать Польскому Бюро ЦК РКП(б) принять Сосновского в РКП(б)».

Сосновский убедил многих своих бывших агентов сотрудничать с чекистами, а сам в 1921 году вступил в РКП(б). Рекомендации ему дали члены Польского Бюро ЦК РКП(б) Феликс Кон и Юлиан Мархлевский⁵³.

Вадим Шверубович был сыном одного из ведущих актеров Художественного театра Василия Качалова (Шверубовича) и актрисы Нины Литовцевой (Левестамм). В 1919 году он окончил гимназию и вместе с родителями отправился на гастроли на юг России. Здесь в захваченном Добровольческой армией Харькове Шверубович в июле 1919-го поступил вольноопределяющимся в 12-й драгунский Стародубовский полк. Вместе с ним он проделал поход на Москву и обратное беспорядочное отступление на Северный Кавказ. Шверубович вспоминал:

«Армия начала рассыпаться. Таяла она и в боях, и от тифа, и главным образом от дезертирства. Отступили за Харьков – исчезли все харьковские, прошли Лозовую – не осталось ни одного из екатеринославских и так далее. Дивизию свели в дивизион. Всю армию переименовали в отряд. У нас от эскадрона осталась горсть в восемь человек. Офицеры уезжали в командировки (“за ремонтом”, “за пополнением”, “за огнеприпасом”) и не возвращались»⁵⁴.

53 Петров Н.В., Скоркин К.В. *Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник*. М.: Звенья, 1999. С. 390–391.

54 Шверубович В.В. *Указ. соч.* С. 105.

Дальше Вадиму Шверубовичу повезло: на Кубани он заболел возвратным тифом, его эвакуировали в Екатеринодар, где в то время как раз выступала качаловская труппа. В феврале 1920 года в госпитале его случайно нашли знакомые и помогли присоединиться к труппе МХАТа. Шверубович получил паспорт на имя артиста Вадимова, работал помощником режиссера и сотрудником постановочной части, поэтому, когда качаловская труппа вернулась в Москву, власти ничего не знали о службе Шверубовича у белых.

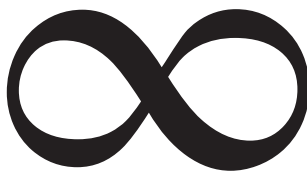
БОРИС СОКОЛОВ
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

ОТРАЖЕНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ОПЫТА В ТВОРЧЕСТВЕ И КАРЬЕРЕ

Опыт службы в белых и национальных армиях сам по себе никак не повлиял на карьеру тех бывших белогвардейцев, которые стали советскими маршалами. На карьеру Баграмяна и Говорова, о чьей службе соответственно у дашнаков и белых было известно, повлиял не опыт, а сам факт участия в антибольшевистских вооруженных формированиях. Криптобелогвардейцы от негативного влияния такого рода были избавлены, в том числе Малиновский, белогвардейский опыт которого отразился только в его литературных произведениях (в свободное время он писал): пьесе «Подвиги жизни», где автобиографический герой Петр Степин имеет послужной список колчаковского офицера, и романе «Первая память», где автобиографический герой Иван Гринько посещает офицерское казино. Но пьеса никогда не ставилась и была забыта, а роман опубликовали только посмертно.

Сосновский во время службы в польской разведке имел в качестве противников не только большевиков, но и белогвардейцев. Поэтому в ВЧК-ОГПУ его использовали прежде всего для борьбы с белой эмиграцией. Сосновский активно участвовал в операции «Трест», направленной против монархической эмиграции, и даже возглавлял отделение ОГПУ, действовавшее против белых эмигрантов.

Книппера ОГПУ также использовала для установления контактов с белоэмигрантами, вероятно, и в целях их вербовки, для чего он неоднократно выезжал за границу, в том числе уже во время Второй мировой войны – в оккупированный СССР и западными союзниками Иран якобы для изучения местного музыкального фольклора. Что же касается музыкального творчества, то опыт службы в конной артиллерии белых отразился в наиболее известном его произведении – песне «Полюшко-поле» (1933), написанной на стихи поэта Виктора Гусева и ставшей настолько популярной, что ее считают на-

родной⁵⁵. Как и во многих других случаях, белогвардейский опыт автора апроприировался красными. Сам же Книппер всячески демонстрировал свое раскаяние за белогвардейское прошлое. В письме к Ольге Книппер-Чеховой он писал:

«Всею силою моего мозга я желаю быть истинным большевиком, а для этого мне недостает знания. Ничто не может избавить меня от чувства вины перед партией и советским строем за годы гражданской войны. Для меня моя личная жизнь, мое творчество, абсолютно все переплетается с жизнью партии»⁵⁶.

Тихонов активно использовал личный белогвардейский опыт в своих лучших сборниках «Орда», «Брага» и в стихотворении «Атака под Роденпойсом»⁵⁷. Перед поэтом стояла очень непростая задача – приспособить стихи под свою выдуманную биографию. В отличие от других бывших белогвардейцев, Тихонов не пытался заменить белых героев на красных, а оставил свои стихи в том виде, в каком они создавались во время его службы в белых армиях. Их герои амбивалентны, их нельзя определенно отнести к белой, красной или какой-либо иной стороне. А в стихотворении «Да, чужда мне, чужда Нева...», впервые опубликованном в альманахе «Пчелы» (Берлин, 1923) и в том же году републикованной в Москве во второй книге альманаха «Недра», Тихонов осмелился осуждать красный террор и пытки взятых в плен офицеров:

Тело бросили в долгий гон,
Но нельзя же годами в бреду
Вместе с кожей срезать погон
Иль на лбу вырезать звезду⁵⁸.

Возможно, до Тихонова дошли слухи, будто бы в Ямбурге чекисты пленных офицеров и солдат Северо-Западной армии, его соратников по походу на Петроград, казнили, сажая на кол⁵⁹. И он наверняка знал, что в освобожденном от красных Харькове Добровольческая армия при эксгумации жертв ЧК обнаружила, что «на трупах бывших офицеров [...] были вырезаны ножом или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу – советская звезда, а на груди – орденские знаки»⁶⁰. Об этом эпизоде много писали в 1919–1920 годах в деникинских и врангелевских газетах. Стихотворение Тихонова близко к стихотворению Максимилиана Волошина «Терминология» (1921)

55 GAÏDAMOVITCH T.A. *Lev Konstantinovich Knipper*. Paris: Chant du Monde, 2006. P. 12, 14.

56 Финкельштейн К. Указ. соч.

57 См.: Соколов Б. *Социалист во стане белых воинов?* С. 31–36, 54–55, 62–65.

58 Тихонов Н.С. *100 стихотворений*. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2024. С. 106.

59 Жевахов Н.Д. *Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Т. 2: Март 1917 – Январь 1920*. Новый Сад, 1928. С. 190.

60 Там же. С. 185.

и опубликованного в 1923-м во втором номере журнала «Новая русская книга» (Берлин). Там тоже обыгрывалась чекистская терминология: «шили погоны», «кроили лампасы»⁶¹.

У Катаева амбивалентность, противопоставление на равных белых и красных, присутствует в стихотворении «Современник», опубликованном в 1922 году в журнале «Россия»⁶².

И в гром погромов, в перья, в темь,
В дуэли бронепоездов:
– Полжизни за Московский кремль!
– Полцарства за Ростов!

Читатели, вероятно, были уверены, что Катаев находился на том бронепоезде, где кричали «Полцарства за Ростов!» – неофициальную столицу деникинских Вооруженных сил Юга России, – тогда как в действительности он был на деникинском бронепоезде и, возможно, сам слышал «Полжизни за Московский кремль!»⁶³.

У Иванова белогвардейский опыт отразился прежде всего в «Партизанских повестях» и особенно в «Бронепоезде 14-69», где белые представлены как сугубо отрицательные персонажи. Работу в белогвардейской газете «Вперед» ему всерьез поставили в вину в 1939 году и не стали выдвигать кандидатом в депутаты Моссовета, в связи с чем Иванову пришлось писать покаянное письмо Сталину. Но в службе на белом бронепоезде его не уличили⁶⁴.

Леонов отразил свой белогвардейский опыт в повести «Белая ночь» (1928), где показал разложение белой армии на Северном фронте. Но в целом белый период не сыграл значительной роли в его творчестве.

Для Лавренева белогвардейский опыт оказался более значим. Белогвардейцы обильно представлены в его повести «Ветер» (1924) – как отъявленные мерзавцы и сочувствия не вызывают (за исключением перешедшего на службу к красным ротмистра). В этом же качестве белые фигурируют в «Рас-

БОРИС СОКОЛОВ

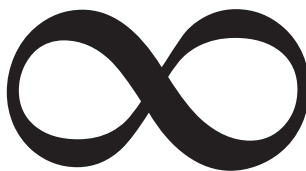
БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

61 Волошин М.А. *Собрание сочинений*. М.: Эллис Лак, 2003. Т. 1. С. 344. Строки из этого стихотворения Сергей Мельгунов поставил эпиграфом к своей книге о красном терроре (Мельгунов С.П. *Красный террор в России*. Нью-Йорк: Brandy, 1979. С. 87). Вероятно, большинство современников полагали, что Тихонов в своем стихотворении осуждает как красный, так и белый террор, предполагая, что погон на плечах как символ белых вырезали красные, а звезду на лбу, как символ красных, – белые. И только те, кто служил в белых армиях Юга России, понимали, что речь в стихотворении идет только о красном терроре. Скорее всего подобное амбивалентное восприятие стихотворения Тихонова способствовало тому, что оно все-таки было републиковано в СССР, тогда как стихотворение Волошина, где действительно осуждался как красный, так и белый террор (строчка «Правду выпытывали из-под ногтей») относилась к председателю Одесской ЧК Северному (Б.С. Юзефовичу), которого именно так пытали белогвардейцы)⁶¹, так и не было опубликовано в СССР при жизни автора.

62 Катаев В.П. *Собрание сочинений: В 10 т.* М.: Художественная литература, 1984. Т. 10. С. 640.

63 Соколов Б.В. «Белым был – красным стал». С. 129–130.

64 Там же. С. 136–140.

сказе о простой вещи» (1924) и в «Седьмом спутнике» (1927). А вот в «Сорок первом» (1924) никакого снижения или окрикации белогвардейцев нет. Поручик Говоруха-Отрок оказывается способен вызвать любовь преданной революции девушки-бойца Марютки и сам полюбить ее. Но чувство долга оказывается выше любви, и Марютка убивает возлюбленного, когда белые пытаются освободить его, и тем самым обрекает себя на верную гибель, которая, однако, остается за пределами повествования. Лавренев утверждал:

«В образ Марютки целиком вошла девушка-доброволец одной из частей Туркфронта Аня Власова, часто бывавшая в редакции “Красной звезды” со своими необычайно трогательными, но нелепыми стихами, которые мной и цитированы без изменений в повести. А Говоруха-Отрок – такой же реальный поручик, захваченный одним из наших кавалерийских отрядов в приаральских песках. Я и свел этих персонажей вместе, придумав робинзонаду на острове Барса-Кельмес»⁶⁵.

Но, по всей вероятности, он привнес в этот образ и какие-то собственные черты в период службы у белых. А свою самую известную пьесу «Разлом» (1927) Лавренев начинает с рассказа о жестокости революционной стихии – о жуткой расправе матросов над офицером. Главный отрицательный герой пьесы лейтенант Штубе сообщает:

«Вы помните, Софья Петровна, Домбровского? [...] Так вот я сейчас прочел, что этого милого мальчишку в Севастополе пьяная матросня швырнула в топку “Императрицы Екатерины”... Вытащили косточки. [...] Сказать, что человека швырнули в топку корабля, – это безобразие?.. А сделать это, видимо, не безобразие»⁶⁶.

Газетный рассказ о расправе над офицером неслучайно передан отрицательному герою, что должно заставить зрителей сомневаться в его достоверности. А финальная расправа матросов над самим Штубе выглядит оправданной, так как он активный контрреволюционер, пытавшийся взорвать крейсер «Заря» (прототип – «Аврора»). И убивают его не так зверски, как Домбровского – не сжигают в топке живым, а топят в море.

Ян отразил свой опыт гражданской войны в ранних произведениях – пьесах «Нита. Драма из эпохи Омского переворота адмирала Колчака», поставленной в феврале 1923 году в Минусинске, «Красноармейская звезда» и «Невеста красного партизана», поставленных в том же году, рассказах «Партизанская выдержка, или Валенки летом» (1922) и «Загадка озера Кара-Нор» (1929). Пьесы были обычными агитками. В «Ните» на

65 Огрызко В. Указ. соч.

66 Лавренев Б.А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 5. С. 73–74.

сцене появлялся адмирал Колчак и заявляет: «Вы хотите, чтобы я отвечал за всех! Довольно таких беззаконий!» Своей возлюбленной Анне Ратмировой (ее прототип – Анна Тимирева) Колчак жалуется: «Все меня рвут со всех сторон... Моим именем действуют, от моего имени говорят». А главной героине, принимая от нее прошение за невинно арестованного студента, ее возлюбленного, адмирал замечает: «Без причин смертного приговора не вынесут»⁶⁷. Похоже, Ян даже в советской агитке попытался представить трагедию лично ему симпатичного в прошлом адмирала Колчака, взвалившего непосильную ношу, и потому погубившего и свое дело, и собственную жизнь.

В детской пьесе Яна «Красноармейская звезда» белых не было, а в «Невесте красного партизана», судя по рецензии в минусинской газете «Власть труда», «автор смело задумал передать символически всю жизнь и тлю старой “единой и неделимой” Святой Руси и автономной Сибири с ее выскочкой Колчаком, и красную торжествующую победу над белобандитами»⁶⁸. Тем не менее пьесы Яна были забыты, а «партизанские» рассказы остались на периферии творчества. Прославили же его исторические романы и повести, многократно переиздававшиеся.

Иогансон стал известным благодаря своей картине «Допрос коммунистов» (1933), позже объявленной эталоном социалистического реализма. Возникновение художественного решения полотна, заказанного Реввоенсоветом к 25-летию в Музее Красной армии, автор описывает так:

«Мое внимание привлекли выставленные в витринах [музея] фотографии наших комиссаров, боровшихся на фронте гражданской войны, и белых офицеров, в особенности Анненкова. Какой разительный контраст лиц! Мужественные честные лица одних, борющихся за счастье человечества, и дряблые физиономии, зверские рожи других – бандитов, веками душивших и вешавших борцов за социализм. Рождается образ: изба, замороженное окно, стоящие на допросе большевики и допрашивающие белобандиты. Причем если бы я впал в карикатурный трафарет, изображая белых, то картина не получилась бы. Необходимо изобразить их так, каковы они есть, и образ тогда будет наиболее сильным и доходчивым; опасно было бы впасть в ходульность в изображении как одной, так и другой стороны»⁶⁹.

Трудно сказать, действительно ли Иогансон вдохновился посещением музея или опирался на собственные воспоминания.

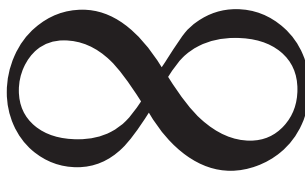
БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

67 ПРОСВЕТОВ И. Указ. соч. С. 69.

68 Там же. С. 78. У местной ЧК могли возникнуть подозрения, откуда простой школьный учитель так хорошо знает Колчака и его окружение, и в сентябре 1923 года, через месяц после премьеры «Невесты красного партизана», воспользовавшись командировкой в Москву, Ян навсегда покинул Сибирь.

69 Моргунов Н.С. Указ. соч. С. 41–42.

Не исключено, что ему довелось служить у своего полного тезки – атамана, генерал-майора Бориса Владимировича Анненкова, командующего отдельной Семиреченской армией, – или у кого-то из других белоказачьих генералов. Во всяком случае один из двух изображенных на картине генералов – это казачий генерал в серой черкеске, обычной для сибирских казаков, и он отдаленно похож на Анненкова.

Довженко впервые затронул тему гражданской войны в фильме «Звенигора» (1927), который и принес ему настоящую известность. Одним из соавторов сценария был Юрий Тютюнник – бывший генерал-хорунжий армии УНР, вынужденно перешедший на сторону советской власти после того, как в 1923 году чекисты заманили его в ловушку. Это, однако, не спасло бывшего генерала от расстрела в 1930-м. В «Звенигоре» речь идет о тысячелетней истории Украины. Петлюровцы изображены в фильме крайне негативно, а один из главных героев, петлюровец Павло, показан бездельником, бандитом и диверсантом.

В следующем фильме «Арсенал» (1929) Довженко опирался уже на собственный опыт, но восставших рабочих сделали непобедимыми героями, а петлюровцев – мелкими злодеями. Близкий друг Довженко, писатель Олесь Гончар, утверждал, что ни разу не слышал от того ни одного доброго слова про фильм «Арсенал»⁷⁰. По его свидетельству, когда Довженко показал фильм писателю Миколе Хвылевому (Фитилеву), драматургу Миколе Кулишу и другим деятелям украинской культуры, «они фильм не приняли (особенно критику Директории), и отсюда начало глубокого конфликта (“Сашко, зачем ты это сделал, ты ж сам там был”)⁷¹». В отличие от Тихонова и Катаева, Довженко не делает свой опыт амбивалентным, а просто меняет оценки противоборствующих сторон на противоположные. Еще более карикатурными петлюровцы стали в «Щорсе» (1939), за который режиссер получил Сталинскую премию 1-й степени, и останавливаться он не собирался. 25 июня 1941 года агент НКВД «Альберт» (Григорий Зельдович – редактор Комитета по делам кинематографии при СНК СССР) привел слова Довженко, сказанные «в присутствии очень многих»:

«Я хочу написать сценарий (короткометражку), в которой показать парашютиста-петлюровца, который спускается возле родного села в момент, когда его мать отправляет его братьев в Красную армию. Он пытается агитировать, но его убивают»⁷².

Насколько известно, этот замысел не был реализован. Украинский биограф Довженко Сергей Тримбач пишет:

70 Гончар О.Т. *Указ. соч.* С. 369.

71 Там же. С. 544.

72 Горин Г. [Росляк Р.] *Указ. соч.*

«Довженко, как и немалое количество украинских интеллектуалов двадцати лет, верил, что можно совместить силу и мощь большевистской идеи и украинскую натуру. Он, как и многие ровесники, обжегшись на поражении украинцев в годы гражданской войны, сделал ставку на силу и на то, что эта сила большевика поможет воскресить Украину и украинскую культуру как таковую. Он ошибся»⁷³.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

Некоторые из упомянутых здесь бывших белогвардейцев были знакомы друг с другом. Малиновский и Иванов встречались еще у белых, но неизвестно, возобновили ли они знакомство. Но даже если и возобновили, это могло произойти только после Великой Отечественной войны. Тихонов и Катаев дружили и, вероятно, знали о белогвардейском прошлом друг друга. Иванов и Ян были знакомы по работе в газете «Вперед», и Иванов содействовал вхождению Яна в советскую литературу. Малиновский, став министром обороны, оказывал определенное покровительство Баграмяну: по его рекомендации последний в июне 1958 года был назначен заместителем министра обороны СССР (начальником тыла) и ушел с этого поста уже после смерти Малиновского. Но нет доказательств, что Малиновский помогал Баграмяну из-за его антибольшевистского прошлого. В целом же бывшие белогвардейцы не образовывали какой-то сплоченной группировки в советской элите, да и вряд ли это было возможно, когда многим из них приходилось скрывать прошлое.

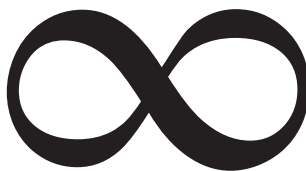
РЕПРЕССИИ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Серьезным репрессиям из-за белогвардейского прошлого подверглись двое из семнадцати героев этой статьи. Сосновский был арестован 23 ноября 1936 года, став одной из первых жертв «польской операции» НКВД. Его погубили национальность, высокий пост в НКВД и прошлая служба в польской разведке. С таким «букетом» шансов уцелеть не было. Сосновский был осужден 15 ноября 1937-го в «особом порядке» за «шпионаж и участие в контрреволюционном заговоре в органах НКВД» и в тот же день расстрелян. В 1958 году его реабилитировали.

Зубов, как бывший офицер-белогвардеец, в 1924 году был сослан в город Чердынь на Северном Урале, где провел четыре года. Не успел он вернуться из ссылки, как в 1930-м был арестован по делу «Промпартии» и около года находился в Бутырской тюрьме в Москве, но был освобожден без предъявления обвинения⁷⁴. Эти репрессии, безусловно, серьезно осложнили

73 Тримбач С. Довженко – це міф! (<https://web.archive.org/web/20071112144225/http://www.telekritika.ua/daidzhest/2006-11-24/7845>).

74 Могила Н.Н. Зубова // Новодевичье кладбище (<https://novodevichye.com/zubov/>).

ему жизнь, но, в конечном счете, не воспрепятствовали научной карьере.

Остальные, если и подвергались репрессиям, то не в связи со своим белогвардейским прошлым. Тихонов в автобиографии 1922 года упоминал, что сидел в ЧК⁷⁵. Как нам представляется, арест был связан с «заговором Таганцева» (1921) и произошел из-за близости поэта к Николаю Гумилеву, однако довольно быстро Тихонова отпустили.

Баграмян в связи со своим дашнакским прошлым в 1938 году был уволен из Академии Генштаба, не получив диплома, и из Красной армии, так как вышестоящие инстанции сочли, что его «невозможно использовать по службе Генерального штаба». Тем не менее в 1939-м, в период «бериевской оттепели», он был восстановлен на службе⁷⁶.

В мае 1942 года войска Юго-Западного направления, начальником штаба которого был Баграмян, были разгромлены под Харьковом, потеряв 240 тысяч только пленными. Виновиком харьковской катастрофы и последующего отступления Сталин объявил Баграмяна в таких выражениях:

«[Баграмян] не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку даже и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий»⁷⁷.

Баграмян тогда был понижен до начальника штаба армии, но в таком решении Сталина свою роль сыграло, вероятно, дашнакское прошлое, а скорее даже просто национальность Баграмяна. Как раз с февраля 1942 года вермахт начал формировать из военнопленных и с участием эмигрантов армянский легион под командованием бывшего генерала армянской армии Драстамата Канаяна (Дро) – последнего военного министра дашнакского правительства и бывшего начальника Баграмяна. Возможно, Сталин подозревал, что в случае ухудшения военной обстановки Баграмян может перейти на сторону противника и присоединиться к легиону. Уверенности в этом не было, иначе Баграмяна расстреляли бы, а Сталин еще надеялся ис-

75 См.: Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* С. 58.

76 ЛАЗАРЕВ С.Е. *Указ.* С. 39–40.

77 Сталин И.В. *Директивное письмо Военному Совету Юго-Западного фронта 26 июня 1942 года* // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 45–46.

пользовать его как военачальника, поэтому на всякий случай понизил его, чтобы в случае предательства ущерб был меньше.

Катаев, о чьей службе у белых в то время было известно, в марте 1920 года был арестован в Одессе по делу о контрреволюционном заговоре «на маяке» и вместе с младшим братом Евгением (Петровым) просидел в ЧК полгода под угрозой расстрела. Они были освобождены в сентябре хлопотами одесского чекиста Якова Бельского (Биленкина) и сотрудника губвоенкомата П.П. Туманова⁷⁸.

Шверубович в годы Великой Отечественной войны ушел в московское ополчение, попал в плен, бежал, участвовал в движении Сопротивления в Италии, по возвращении в СССР после войны был арестован как бывший пленный, но вскоре освобожден благодаря хлопотам отца и уже в ноябре 1945 года вернулся домой⁷⁹.

Малиновский репрессий избежал, но был на подозрении, в том числе из-за своей польской фамилии. Перед самым вступлением Красной армии в Восточную Польшу 17 сентября 1939 года Малиновский был спешно перемещен с поста помощника армейского кавалерийского инспектора по оперативному отделу штаба Белорусского фронта на должность старшего преподавателя Академии имени Фрунзе. Возможно, Сталин сомневался, что Малиновский будет с энтузиазмом сражаться против поляков. Но самый опасный для Малиновского момент наступил в конце 1942-го – начале 1943 года, когда он командовал 2-й гвардейской армией под Сталинградом. Еще в августе 1942-го адъютант Малиновского, тогда командовавшего 66-й армией, капитан Александр Сиренко, перешел линию фронта будто бы для создания партизанского отряда. Донесение об этом Сталин получил только в конце декабря в связи с самоубийством в ночь на 27 декабря генерал-майора Иллариона Ларина – члена Военного Совета 2-й гвардейской армии, которой командовал Малиновский (шофер Ларина также ушел вместе с Сиренко). Ларин оставил записку: «Я ни при чем. Прошу не трогать мою семью. Родион – умный человек. Да здравствует Ленин»⁸⁰. Сталин заподозрил, что Малиновский и Ларин направили через фронт близких к себе людей, чтобы договориться о переходе к немцам, и поэтому приказал Хрущеву следить за Малиновским и в случае чего принять крайние меры, вплоть до ареста или даже физической ликвидации. Хрущев не только убедился в лояльности Малиновского, но

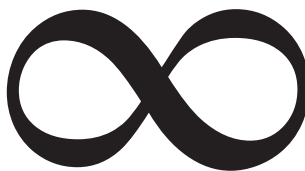
БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

78 См.: Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920–1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. С. 151–180.

79 Литвин М. *Дар великого завпоста. К 120-летию со дня рождения В.В. Шверубовича* // Сцена. 2021. № 1 (<https://the-stage.ru/articles/dar-velikogo-zavposta/>).

80 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 83. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

и очень сблизился с ним, даже подружился. И уже в феврале по рекомендации Хрущева Сталин назначил Малиновского командующим Южным фронтом⁸¹.

Ян в 1921 году был по доносу арестован в Урянхайском крае (Тува), но по требованию одного из создателей Тувинской Народной Республики – Иннокентия Сафьянова – освобожден без каких-либо последствий⁸². Его родной брат Дмитрий, который в 1919 году в Полтаве редактировал белогвардейскую газету «Голос юга», о чем было известно в НКВД, в 1927-м был приговорен к десяти годам заключения в Соловецком лагере за участие в контрреволюционной организации и агитацию против советской власти. Его освободили в 1933-м, но уже в 1938-м Дмитрий Янчевецкий был расстрелян⁸³. Вероятно, Яна ждала та же участь, если бы в НКВД узнали, что он редактировал газету «Вперед». Сын Яна Михаил был арестован и, по его словам, «угодил в 1949 году за неосторожно сказанное слово» в воркутинские лагеря. Освободившись 22 мая 1954-го, он еще успел встретиться с отцом незадолго до его смерти⁸⁴.

Довженко не подвергался непосредственно репрессиям, но 31 января 1944 года на заседании Политбюро Сталин подверг его сценарий «Украина в огне» уничтожающей критике, обвинив режиссера в национализме:

«Нетерпимой и неприемлемой для советских людей является откровенно националистическая идеология, явно выраженная в киноповести Довженко. Так, Довженко пишет:

“Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились, куда бы ни послал нас Сталин – на север, на юг, на запад, на все четыре стороны света, – мы бьемся за Украину! Вот она дымит перед нами в пожарах, наша мученица, родная земля! Мы бьемся за то, чему нет цены в мире, – за Украину!

– За Украину! – тихо вздохнули бойцы.

– За Украину! – за честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный! – Кравчина на мгновение умолк и словно не сказал дальше, а подумал вслух:

– Скажите, можем ли мы, сыны украинского народа, не презирать Европу за все эти столетия?”

81 Поболь Н., Полян П. *Сталин и Хрущев. Никита не только потешал тирана, но и пытался спасти сотни тысяч жизней* // Новая газета. 2009. 9 февраля (<https://novayagazeta.ru/articles/2009/02/09/43976-stalin-i-hrushev>); Хрущев Н.С. *Время. Люди. Власть. Воспоминания: В 4 кн.* М.: Московские новости, 1999. Кн. 1. С. 440–441.

82 ВЕРЕЩАГИНА Т. *Михаил Янчевецкий: Я сделал в жизни главное – выполнил свой сыновний долг* // Центр Азии. 2001. № 18 (<http://www.centerasia.ru/issue/2001/18/4983-mikhail-yancheveckiy-ya-sdelal-v-zhizni.html>).

83 *Сталинские списки: список лиц от 12 сентября 1938 года. Ярославская область. Бессмертный барак* (https://bessmertnybarak.ru/article/stalin_spisok_337/).

84 Фомин С.В. *Василий Ян и Звенигород* (<https://sergey-v-fomin.livejournal.com/437733.html>).

Ясно, насколько несостоятельны и неправильны такого рода взгляды. Если бы Довженко хотел сказать правду, он должен был бы сказать: куда ни пошлет вас Советское правительство – на север, на юг, на запад, на восток, – помните, что вы бьетесь и отстаиваете вместе со всеми братскими советскими народами, в содружестве с ними наш Советский Союз, нашу общую Родину, ибо отстоять Союз Советских Социалистических Республик значит отстоять и защитить и Советскую Украину. Украина, как самостоятельное государство, сохранится, окрепнет и будет расцветать только при наличии Советского Союза в целом».

Ровно год спустя Довженко записал в дневнике:

«Сегодня годовщина моей смерти. Тридцать первого января 1944 года я был привезен в Кремль. Там меня разрубили на куски, и окровавленные части моей души разбросали на позор и отдали на поругание на всех сборищах. Все, что было злого, недоброго, мстительного, все топтало и поганило меня. Я держался год и пал. Мое сердце не выдержало тяжести неправды и зла. Я родился и жил для добра и любви. Меня убили ненависть и зло великих как раз в момент их малости»⁸⁵.

После разноса на Политбюро Довженко сняли с поста художественного руководителя Киевской киностудии и назначили режиссером «Мосфильма». Сталин как будто сменил гнев на милость и за проходной фильм «Мичурин» дал так и не показавшемуся публично Довженко Сталинскую премию 2-й степени, а в 1950 году разрешил присвоить ему звание народного артиста РСФСР. Но и «Мичурин», и так и не заверченный из-за политической конъюнктуры фильм «Прощай, Америка» на голлову уступали более ранним фильмам Довженко.

У тех, кто не мог скрыть своей службы в антибольшевистских армиях, возникали проблемы со вступлением в партию. Баграмян смог стать кандидатом в члены ВКП(б) только 10 сентября 1939 года, а членом партии – два года спустя, Говоров вступил в партию в 1942-м, Иогансон – в 1943-м. Довженко, бывший из партии в 1923-м, так и не смог в ней восстановиться. Криптобелогвардейцы вообще старались в партию не вступать, чтобы не подвергаться дополнительной проверке. Если они становились членами КПСС, то уже в послесталинское время: Катаев – в 1958 году, Александров – в 1961-м. Исключением был Малиновский, вступивший в ВКП(б) еще в конце 1920-х, поскольку в армии членство в партии давало значительные карьерные преимущества.

Разоблачения белогвардейского прошлого представляли угрозу для криптобелогвардейцев только в сталинский период, до

85 Сталин И.В. *Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко*. Музей ЦСДФ (<https://csdfmuseum.ru/articles/140-украина-в-огне>).

Великой Отечественной войны. Но, когда Иванов и Катаев признались в службе у белых, никакой серьезной реакции не последовало. В 1948 году МВД доложило Сталину, что Говоров соврал о том, что был произведен в подпоручики еще в старой армии, тогда как в действительности этот чин он получил у Колчака за отличие, но никаких негативных последствий для маршала это разоблачение не имело⁸⁶. Так же никакой реакции со стороны послесталинского руководства не последовало, когда первая жена Малиновского донесла в 1954 году, что тот был офицером, а такой чин он мог получить только у Колчака. И тем более никакой реакции не было, когда в 1981 году в ФРГ было опубликовано письмо Катаева Бунину, доказывающее его службу на деникинском бронепоезде.

В послесталинское время служба у белых перестала считаться компроматом. В 1959 году она уже упоминалась в официальной биографии Иогансона, а в мемуарах Шверубовича (1976) рассказывалось о его участии в походе Добровольческой армии на Москву. Впрочем, в иных случаях упоминание белогвардейского прошлого оказывалось нежелательным. Так, судя по роману «Угол падения» (1967), посвященному походу Юденича на Петроград, Всеволод Кочетов догадался о белогвардейском прошлом Тихонова, однако, даже имея репутацию *enfant terrible* советской литературы, он не рискнул начать публичную атаку на последнего. Заменять Тихонова в руководстве Советского комитета мира никто не собирался – даже после его смерти адекватного преемника так и не нашли. Зато самого Кочетова за попытку дискредитировать Тихонова наверняка сняли бы с поста главного редактора журнала «Октябрь». Вообще сокрытие социального происхождения, что приходилось делать большинству бывших белогвардейцев, среди советских руководителей большим грехом не считалось. Например, Хрущев, всю жизнь писавший в анкетах и автобиографиях, что он сын крестьянина-бедняка, ставшего шахтером, уже на пенсии признался одному из охранников, что его отец был инженером-энергетиком рудоправления⁸⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почти все представители советской элиты, имевшие белогвардейское прошлое, сохранили свой статус до конца жизни. Единственной жертвой Большого террора стал Сосновский, но,

86 Ганин А. *Маршал Говоров под прицелом «белогвардейского» компромата* // Родина. 2024. № 7. С. 110–112.

87 Комаров С. *Как сохранить первое лицо* // МК.ru. 2008. 25 сентября (www.mk.ru/old/article/2008/09/25/21370-kak-sohranit-pervoe-litso.html).

как было сказано выше, причинами его гибели стали работа в НКВД и польская национальность. Сосновский был едва ли не единственным примером, когда офицер разведки антибольшевистской армии, не скрывавший своего прошлого, смог достичь высокого положения в НКВД. Обычно бывшие белогвардейцы не были представлены в партийной и хозяйственной номенклатуре, поскольку для этого требовалось достаточно раннее вступление в партию, что даже для криптобелогвардейцев было практически невозможно.

Зато опыт и образование бывших белогвардейцев оказались востребованы в военном деле (Малиновский, Баграмян, Говоров), науке (Александров, Зубов), литературе (Тихонов, Катаев, Иванов, Лавренев, Леонов, Ян), драматургии и театральной деятельности (Погодин, Шверубович), живописи (Иогансон), кинематографе (Довженко), музыке (Книппер). Только в этих сферах они могли сделать карьеру, где на руку им играло то, что в формирующейся советской элите была нехватка образованных и талантливых людей, тогда как прежняя элита была истреблена или оказалась в эмиграции. В сфере литературы и искусства власть привлекало сочетание у бывших бойцов антибольшевистских армий таланта и готовности следовать в той или иной мере принципам социалистического реализма. Порой при этом приходилось идти против своей совести. Так, Тихонов, ранее друживший с Пастернаком, председательствовал на заседании, на котором автора «Доктора Живаго» (отсутствовавшего на этом собрании) исключили из Союза писателей СССР. Тем не менее Тихонова Пастернак «любил [...] до конца своей жизни»⁸⁸.

За возможность реализовать свой талант приходилось платить свободой творчества и принятием чуждой идеологии. Впрочем, возвращение в 1930-е Сталина к открытому выражению имперской идеологии, от чего не отказались и его преемники, во многом примирило большинство бывших белогвардейцев с советской властью, хотя стало неприятным сюрпризом для того же Довженко.

БОРИС СОКОЛОВ

БЫВШИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ

88 ТАБИДЗЕ Н. *Радуга на рассвете* // ПАСТЕРНАК Б.Л. *Полное собрание сочинений с приложениями: В 11 т.* М.: Слово, 2005. Т. 11. С. 331.

